

1. Н.А. Белоус

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

**КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС – СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ
СУБЪЕКТИВНЫХ УСТАНОВОК, РЕГУЛЯТИВНЫХ СТРУКТУР И
СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ В РЕЧЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА**

Ключевые слова: конфликтный дискурс, коммуникация, фрейм, знак, ритуал.

В качестве конфликтного дискурса рассматривается процесс реализации различных интенций (порожденных ментальными парадигматическими связями) в речевом взаимодействии коммуникантов. Иллокутивная доминанта конфликтного дискурса представляет собой противостояние или столкновение коммуникативных целей участников в условиях социальной речевой деятельности, перлокуция которой характеризуется наличием отрицательных эмоций.

N. A. Belous

Uljanovsk State University, Uljanovsk

**CONFLICT DISCOURSE AS A METHOD OF EXPLICATION OF
PERSONAL ATTITUDES, REGULATIVE STRUCTURES AND
SEMANTIC FACTORS IN PERSON'S SPEECH ACTIVITY**

Keywords: conflict discourse, communication, frame, symbol, ritual.

Conflict discourse is considered as a process of implementation of various intentions (formed by mental paradigmatic relations) in verbal interaction. Illocutionary dominant in conflict discourse is substantiated in confrontation or collision of communicative goals of participants in social speech activity that perlocution is followed by negative emotions.

Коммуникация в человеческом обществе возможна при взаимопонимании и взаимопроникновении в духовные миры друг друга, поэтому необходима общая система миропредставления. Очевидно, существует столько картин мира, сколько существует наблюдателей, контактирующих с окружающей действительностью. Конфликт как таковой, являясь надсубъективным компонентом картины мира, является идеальным образованием, которое вследствие своей глобальности не может транслироваться само собой: для его передачи необходимы как средства-посредники, каковыми являются коммуниканты, так и общественная практика его использования – ситуационная обусловленность, которая представляет собой элемент пресуппозиционной базы любого, в том числе и конфликтного, дискурса.

Модель мира – человек и среда в их взаимодействии. Картина мира,

являясь знаковым выражением, определяется как результат переработки информации о среде и о человеке. Если картина мира представляет собой систематизацию членом коллектива личного и коллективного эмпирического опыта, то модель мира является сочетанием взаимосвязанных семиотических воплощений мирной и конфликтной информации, содержащейся в картине мира того или иного коммуниканта.

Исследования коммуникации и общества указывают, что упомянутые семиотические воплощения порождаются одной и той же способностью человека вступать в конфликт и выходить из него. Несмотря на то, что коммуникация осуществляется на основе одних и тех же принципов построения, семиотические воплощения мирной и конфликтной информации не являются однородными (речь, осмысленные особым образом типы речевого поведения, вовлеченные в сакрализованные действия предметы в процессе коммуникации и т.д.).

Модель мира можно рассматривать как знаковое образование, репрезентирующее глобальный идеальный объект (картину мира) своей структурой. В свою очередь эта структура репрезентируется иным знаковым образованием, а именно, человеческим языком. Сакрализованные черты присущи самому языку, в противном случае он не мог бы выполнять свою основную функцию, если бы правила его организации не обладали бы свойствами безусловной обязательности.

С точки зрения своего генезиса, появление ритуального типа конфликтной диалогической деятельности связано с сакрализацией, т.е. безусловной обязательностью выполнения тех или иных действий как неперемного условия передачи коллективного или личного опыта. Ритуал конфликтного спора или угрозы является не чем иным, как источником совершенствования коммуникативной деятельности как знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого (иллокутивные намерения говорящих) с означающим (риторические средства, используемые коммуникантами). Ритуал, безусловно, древнее языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его. Ритуальная деятельность явилась основой появления наглядного образного типа мышления. Как отмечает В.Н. Топоров, с точки зрения мифопоэтического мировоззрения, существенно, релевантно лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть Космоса, выводимо из него, причастно к нему. Только в сакрализованном мире известны правила его организации, относящиеся к структуре пространства и времени (Топоров, 1973: 114). Поэтому ограничения на язык накладываются именно в силу необходимости избежать появления новых парадоксов, которые могут разрушать действие сакральных канонов и этим вернуть людей к Хаосу. Обратим внимание на то, что без семиотических систем, способных выполнять моделирующие функции, невозможно обеспечить накопление и передачу информации в сколь-либо значительном объеме, за исключением простейших практических навыков, и обеспечить преемственность культуры в диахронном плане (модели мира), а также регулировать социальное поведение носителей данной традиции

(модели поведения в мире). Сфера ритуализированного поведения связана с регулирующей функцией семиотических систем. При этом понятно, что сакрализуется лишь то, что важно, – например, конфликт как таковой или действия и предметы, обеспечивающие его существование. С другой стороны, потребность в сакрализации, обязательности использования проверенных коллективной практикой приемов деятельности вызывается элементарной потребностью свести к минимуму вариантность неудач в конфликтных ситуациях.

Вот почему в настоящее время популярны исследования конфликтных текстов, имеющие практическую значимость при решении споров юридическим способом; а так же являются актуальными разработки методик, регулирующие речевое поведение медиаторов в переговорах, основой которых является тот или иной конфликт. Время и сама эволюция человеческой цивилизации диктуют необходимость перехода к моделированию возможных конфликтных диалогических ситуаций, что закономерно отражается на эволюции семиотической системы: внешняя сторона знака уже не может совпадать с самим предметом, отражая уже не схему действий с предметом, а схему действий с самим знаком, и претерпевает существенные изменения. Происходит выход за пределы конкретных признаков конкретного предмета в их совокупности в конкретной ситуации (или совокупности однотипного класса ситуаций). Возникает надситуативный образ, или представление. Парадоксально, но именно сакрализация форм деятельности создает возможность для человека надситуативной свободы.

Маковский М.М. еще в прошлом веке показал, что наряду с «видимой» структурой слова (корень, суффикс, окончание, преформаты и детерминативы) существует и «невидимая» его структура, отражающая основные категории магического мышления и в большой степени определяющая механизм языка: в пределах слова можно различить элементы-блокаторы (обереги), не допускающие появления каких-либо значений, кроме тех, которые оправданы его качественной и количественной структурой, тотемные элементы, не несущие какой-либо особой функции, но необходимые для существования слова как целостного единства, табуирующие элементы, меняющие значение данного слова не противоположное (наряду с начальным отрицанием *ne-*, *se-*, *ve-* в индоевропейском используются и табуирующие звуковые элементы внутри слова: ср. и.-е. **l-ub* «любовь», но др.-исл. *ubbi* «ненависть», т.е. образование без табуирующего элемента *l*). Однако в пределах слова табуирующие **m-el-*, **p-el-*, **s-el-* «гнуть»; англ. *land* «определенная протяженность земли», но арм. *and* «поле»; англ. *glad* «довольный» < **ge-láed*. В слове существуют и элементы-катализаторы, которые, в отличие от элементов-блокаторов, способствуют увеличению общей «энергии» слова или определенных его участков. Маковский отмечает также, что так называемые сакральные элементы, соотносимые с языковым геном являются неэтимологическими. При этом указанные элементы мыслимы только при определенном

положении в слове, имеющем определенное качественное и количественное строение, и могут выражаться не только одними и теми же, постоянными фонетическими единицами, но и различными. Ср. и.-е. тотемические элементы: **el-* «гнуть», но также **k-el-*, могут состоять из одного или нескольких формальных элементов, как это наблюдается в корне слова (Маковский, 1992).

Определенные качественные и позиционные (топологические) характеристики фонетических компонентов слова в процессе конфликтного дискурса регулируют возможность или невозможность экстраполяции на данную фонетическую форму того или иного участка или участков семантического спектра. При этом отрезки семантического спектра пропозиций репликовых шагов конфликтантов, способные экстраполироваться на плоскость формальных вариантов, качественно и количественно могут не совпадать с отрезками формального уровня, соотносимыми с теми или иными отрезками семантической плоскости, хотя обе эти плоскости комплементарны по отношению друг к другу.

Однако для ритуальной деятельности столкновения интересов характерен один весьма существенный признак: ритуальная деятельность обуславливается на уровне действий субъективным смыслом, абстрагированным от реальности конкретной типологии. Именно в этом заложен тот потенциал, который дает импульс развитию высокоорганизованных знаковых систем для хранения и передачи информации – языка в первую очередь. Сообщением в ритуале конфликта является сам ритуал «противостояния», и уже постольку его можно считать коммуникативным актом. Т.е. ритуал конфликтного дискурса – это и канал трансляции определенной речевой культуры; и деятельность, порождающую ментальные парадигматические связи. В качестве конфликтного дискурса (далее КД) мы рассматриваем процесс реализации различных интенций (порожденных ментальными парадигматическими связями) в речевом взаимодействии коммуникантов. Иллокутивная доминанта КД представляет собой противостояние или столкновение коммуникативных целей участников в условиях социальной целенаправленной речевой деятельности, перлокуция которой характеризуется наличием отрицательных эмоций благодаря вербальному воздействию коммуникантов друг на друга.

Ритуал нельзя сводить к театральному действию, иллюстрирующему миф. Ритуал является объективно и субъективно практической деятельностью, опосредованной в системе кодов. Другое дело, что ритуал является формой превращенного сознания (термин В. Зомбарта) и тем самым не в состоянии разграничить причинно-следственные связи, объективно существующие в мире, от порожденных неверно истолкованным опытом. Так в конфликтной сакрализованной диалогической деятельности слово-знак может иметь и один, и другой, и третий смысл, каждый из которых может обращаться в его значение по мере приобретения данным конфликтным дискурсом характера образца или модели. Обратимся к примеру диалогической деятельности, которая развивается по образцу ритуального

конфликта в рамках обиходно-разговорной речи: (условные обозначения принятые для анализа речевого образца: реципиенты P1, P2 – участники коммуникации; знаки >, < указание на ролевые характеристики не/равноположенности; арабские цифры в круглых скобках – номера речевых шагов, прописные буквы – указание на закрытие данного речевого шага; «образец» – ритуальное речевое действие; жирный шрифт – конфликтные маркеры; (ИД) – иллюкутивная доминанта): P1 – жена, P2 – муж; прагматические отношения P1/P2 – знакомы, состоят в браке; P1 > P2, т.к. ситуация: пьяный P1 (виноват в нарушении сакрализованных норм) и трезвый P2 встречаются; время – далеко за полночь; место – дом P1 и P2.

P1: Где ты **шлялся**, **скотина**? Почему так поздно **заявился**?!!! (1)

P2: Ик... Пробка... (ИД) (1а)

P1: Какая пробка в три часа ночи? (ИД) (2)

P2: Ик... пробка (2а)

P1: Все нормальные люди спят! Нет транспорта на дорогах! (3)

P2: Ик... пробка... не открывалась... (3а)

Рассмотрим семантическое поле языковой единицы «пробка». Денотат «пробка» – наружная часть коры некоторых древесных растений, а также закупорка для всяких круглых отверстий. Коннотат «пробка»: 1. пробка для бутылки; 2. глупый как пробка; 3. на улице образовалась пробка; 4. пробка перегорела; 5. ушная пробка. В процессе интеракции P1 (под влиянием эмоционального состояния, вызванного условиями ситуативной пресуппозиции относительно P2) выбирает коннотат 3 при употреблении языковой единицы «пробка», P2 же выбирает коннотат 1. P2 игнорирует картину мира (далее ЯКМ) P1 и представляет свою. Взаимодействие уровней личностей реципиентов происходит в следующем. В ЯКМ 1 и ЯКМ 2 реципиентов присутствует концепт «пробка». В силу экстралингвистических условий, а именно физического состояния, в котором находится P1, P2 строит свою стратегическую модель с установкой добиться объяснения почему P1 «так поздно заявился» и где он «шлялся» (проявление прагматического уровня). P1 начинает действовать в соответствии с предложенным P2 сценарием, то есть начинает давать разъяснения (проявление прагматического уровня) и тем самым представляет часть своей ЯКМ (проявление когнитивного уровня). P2 этот акт игнорирует и представляет часть своей ЯКМ (проявление когнитивного уровня). Под влиянием эмоционального состояния, вызванного условиями ситуативной пресуппозиции относительно P2, P1 выбирает для представления части своей ЯКМ ту же языковую единицу, что и P2, однако семантические картинки данных выражений ЯКМ реципиентов не совпадают в силу того, что реципиенты отдают предпочтение различным коннотатам данной языковой единицы (проявление вербально-семантического уровня – мы видим, что нестыковка происходит из-за наличия различий, которые обнаруживают реципиенты и применяют их в контексте ситуации данного характера).

Соотношение внешней формы с денотатом и сигнификатом в пределах одной и той же лексемы может быть, таким образом, неодинаковым в один и

тот же момент времени говорения в случае несовпадения в этой точке слова как единицы кода и того же слова как единицы метакода. Семантика слова может приобретать чрезвычайно сложную, гибкую и неожиданную конфигурацию под воздействием прагматической и ситуационной пресуппозиций в конфликтном дискурсе, который так или иначе развивается согласно своему сакральному характеру.

Поскольку значимости таятся в бессознательном, они не поддаются кодированию, для которого требуется эксплицитно выраженная договоренность, которая сознательно присутствует между конфликтующими коммуникантами. То есть, неопределенность смысла является конститутивным признаком языковой коммуникации и может играть роль элемента механизма запуска конфликта как такового.

В связном конфликтном дискурсе объем информации, передаваемой каждым речевым шагом и не повторяемой в каждом новом, образует некий смысловой запас, необходимый для взаимопонимания в пределах коммуникативно-прагматического фрейма, любой из 4 известных может приобретать конфликтный характер. Этот запас характеризуют таким понятием, как «динамизированное общее знание» (термин Ажежа) (Ажеж, 2003: 251), которое и позволяет коммуникантам выходить из конфликта или приобретать сведения об корреляциях пресуппозиций и типов конфликтных ситуаций в целом. Пресуппозиции входят в число культурных навыков, однако те из них, которые обладают универсальной значимостью, являются составной частью знаний о мире, свойственных человеку, который и формирует сакральные (или ритуальные) разновидности коммуникации, в том числе и конфликтный дискурс как таковой.

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки: перев. с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мифы образов. – М., 1996. – 415 с.
3. Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Сборник научных статей в честь М.М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения) / отв.ред. Ю. Лотман. – Тарту, 1973. – С. 106-150.

References

1. Azhezh K. Speaking men: the contribution of linguistics at the Humanities [Chelovek govoryashchiy: vklad lingvistiki v gumanitarnyye nauki]: perev. s fr. – M.: Yeditorial URSS, 2003. – 304 s.
2. Makovskiy M.M. Comparative Dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: image of the world and myths of images [Srvnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoyevropeyskikh yazykakh: Obraz mira i mify obrazov]. – M., 1996. – 415 s.

3. Toporov V.N. About cosmological sources of early historical descriptions [O kosmologicheskikh istochnikakh ranneistoricheskikh opisaniy] // Trudy po znakovym sistemam. Sbornik nauchnykh statey v chest M.M. Bakhtina (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) / otv.red. Yu. Lotman. – Tartu, 1973. – S. 106-150.